

СТРАСТЬ РЫБАЦКАЯ

Виктор Иванович Буров стоял на берегу реки Витима, на шевере ниже устья левого притока – речки Муниксы. Размахисто махал спиннингом, забрасывая блесну. Бросал уже около часу, а то и больше, но всё впустую – рыба не хотела брать приманку, а может, её здесь и не было. На этом месте Буров вообще-то рыбачил не в первой, каждый год, просто приглянулось оно ему. Почти во все выходные от работы дни, брал лодку и сюда – это вверх по течению почти сорок километров от города. Речка Муникса быстрая и шумная с таким вот странным названием, наречённым издревле либо звенками или якутами.

Отсюда и начиналась шевера, тянувшаяся до зимовья Карабицино меж левым берегом реки и небольшим островом. В ней Буров и ловил ленков, стоявших на быстрине или в бурунах за камнями, доводилось вытаскивать и тайменей. Небольших, правда, рыбин по размерам, но всё же вылавливал. В речках же, впадавших в Витим, на удочку с мушкой подсекал хариуса. Всё, что налавливал, шло на засолку, предвкушая – это ж отменная закуска! Знакомые знали: если доведётся побывать в гостях у Бурова, тот непременно угостит малосольным деликатесом.

Рыбалка – это его любимое занятие,

так сказать, времяпровождение для души. Ждал выходные всегда с нетерпением, вечерами после работы перебирал свои коробушки с хранившимися в них снастями. Каких только не было в его арсенале рыбных приманок. Разной величины и цвета блесны, крючки всяческих размеров, свинцовые грузила, леска всевозможного диаметра, цветные нитки мулине и пегушиные перья для изготовления мушек и готовые мушки. Ну, и конечно, был обладателем своих хитростей, ведь любительский рыболовный стаж исчислялся в несколько десятков лет. Мечтал: как выйдет на пенсию, а до неё оставалось год-два, тогда только и ищите его на реке да впадающих в неё ключах.

Супруга давно от Виктора Ивановича отступилась. Упросить мужа, чтоб в огороде с сорняки управиться или в магазин сходить, это дело бесполезное. Однако, что по мужицкой части всё делал. Землю вскопать, грядки сформировать, теплицу подготовить, помочь картофель посадить, окучить, кусты ягодные поправить, или ещё что – это он завсегда охочий. И помощь такую оказывал больше после рабочего дня, в крайнем случае, в субботу, чтоб воскресеньем выкроить – страсть уж больно рыболовная подгоняла человека, одержим ею был словно бечевою привязан.

Вот и сейчас он стоял на шевере и

с упорством кидал спиннинг. Осознавал Виктор Иванович: не берёт рыба, значит, что-то не так. Тут и погода, может, влияет, и насколько рыба голодна, чтоб заняться жором, или чуть поодаль, где притаилась, но в любом случае она в движении, в поисках тишины. На перекатах она есть, нужно только терпение. Вот и работал Буров спиннингом уже больше часа с азартом и надеждой.

Правда, зацеп один случился и сердце рыбака невольно ёкнуло. Но это якорь блесны оказался меж камнями, оттого что замешкался при накручивании лески на барабан катушки, вот блесна и «подсела» на дно самое. Пришлось столкнуть моторную лодку в реку и на вёслах проплыть выше зацепа и как бы с обратной стороны освободить снасть из «плена». Причалил, привязал лодку, поправил на транце двигатель, проверил, не повредились ли крючки на блесне и снова принялся настойчиво закидывать её в «злачные» места.

Упорство Бунова всё же увенчалось успехом. Как и всегда происходит, неожиданно резко на конце лески одёрнуло блесну, сильно дёрнуло, и леска напряглась. «Вот она!» – мелькнула мысль у Виктора Ивановича. Тут уж только умение и сноровка помогут, а они есть в руках Бунова – знал, как наматывать катушку с леской, когда дать слабинку или натяг, не сильный, но и чтоб не дать воли, попавшейся на крючок рыбе, вымотать её и ближе подвести к берегу.

Уж сколько раз подобное происходило, казалось бы, пора бы и привыкнуть, ан, нет, всякий раз нервное напряжение охватывало душу. Напряжение особое, известное лишь заядлым рыбакам, ощущавшим силу и изворотливость, попавшейся в снасти рыбы, старающейся освободиться и уйти в реку.

Со знанием дела Буров трепетно выводил свой пока ещё неведомый трофей. Рыба то устремлялась вверх по течению, то резко меняла направление вниз или в сторону середины реки, то снова стремительно шла к берегу. Она металась в своей водной стихии, наверняка недоумевая: как такое с ней могло случиться, и что эта за боль в пасти, которая её упорно держит и не даёт свободу?

Наконец, вот она у Бунова и Бурова разглядел, кто это ему попался на этот раз. «Таймень!» Да, это был таймень, крупный, внушительный. Уже измотанный, потерявший силу он словно на поводке почти послушно повиновался рыбаку. Душа Виктора Ивановича ликovala: «Вот это удача! И на пирог будет, и на засолку солидную! Эх, родню удивлю...»

Но что это? Неожиданно блесна освободилась и лёгким звуком отозвалась в воздухе на конце спиннинга, блеснула на солн-

це. Виктор Иванович обомлел: «Таймень освободился от крючка... Сорвался!!..» Он глядел в воду и видел – рыба, словно замерла, ощутив, что теперь её ничто не держит. Но тут же видимо осознав свободу, она вильнула своим большим красноватым хвостом и медленно развернувшись, показала свои пятнистые бока и тёмный мощный хребет, пошла в глубину и вскоре скрылась с глаз отчаявшегося Бунова.

Сознание Виктора Ивановича бунтовало, не могло принять произошедшего обстоятельство, его трясло от неумоверного возбуждения и обиды. Да, трудно пережить душевное смятение, когда, казалось бы, вот он твой улов, богатый и стоящий, но тут так неожиданно ушедший из-под самого носа.

Виктор Иванович держал спиннинг, руки потрясывало, отступил несколько шагов от берега, смотрел на реку и негодовал: «Ушёл!.. Ведь ушёл, паразит!..»

Но тут в его душе что-то отдалось болью. Он с беспокойством приложил правую руку на грудь – в области сердца щемило и даже подкалывало. «Да что это я так близко к сердцу принимаю? Что ж так убиваюсь-то? Так и Кондратий хватит, останусь тут помирать, на берегу лежать...»

Буров прилёг на берегу, так и, оставив руку на груди, глубоко дышал, старался забыть про сорвавшегося тайменя, грустные мысли отгонял, думал об окружающей его природе и своих родных. Всплески воды о прибрежные камни, шум реки, исходивший от перекатов и бурунов, слышался и успокаивал Бунова. Он лежал с открытыми глазами, созерцал голубое небо, плывшие по нему небольшие белые облака, разглядывал колеблющиеся от слабого ветерка листья на ветках берёзы, вблизи склонившейся над ним. Погода стояла благодатная, тёплая и располагала к умиротворению и благоденствию.

Около пол часа пролежав на спине, Виктор Иванович наконец-таки душу и сердце уgomонил. Поднялся, собрал спиннинг, сложил в лодку вещи, что лежали на берегу, столкнул своё судёнышко в реку. Отработав вёслами, выплыл на середину реки и поплыл по её течению. Заводить двигатель надобности не было – река сама несла его к городу, домой. Редко когда заводил мотор, если плыть нужно было вниз – бензин экономил. На этот раз, не заводил к тому же и из-за душевного расстройства.

«Ну, надо же, как схватило сердчишко, прямо беда какая. Вот она страсть рыбацкая, до чего ж человека довести может, так и стинуть от переживаний недолго. Не дай Бог... Нельзя, нельзя так принимать близко к сердцу, нельзя...» Однако, далее мысли вновь вернули Виктора Ивановича к упущенному трофею: «А таймень-то хо-

рош был... Хорош, окаянный... Крупный! Ничего, пусть ещё жирок нагуляет, поймаю, никуда он от меня не денется...»

ЛЕСНОЕ ГОРЕ

Бурая медведица с опалёнными огнём боками брела по наполненному дымом урману, порой лизала пораненные лапы, места ожогов. Остановившаяся, втягивала в себя воздух, неровно дышала – чувствовалось, она чрезмерно взволнована, встревожена. Шла и оборачивалась, вроде как кого-то поджидала. Но, постояв, и никого не дождавшись, рыкнув, снова продолжала мерить только ей ведомый путь. А скорее и не знала куда бредёт. Только что мимо неё промчалась пара изюбров, взметнув копытами золу от сгоревшего муравейника. Пробежали, словно и не заметили лохматую угрюмую медведицу, а она не отреагировав, лишь проводила их мутным взглядом. Вроде бы и хозяйка тайги, но её сознание сейчас донимал страх смешанный со злобой и безысходностью.

Второй день в тайге бушевали пожары. Кедр и сосны горели, словно сухой, облитый бензином. Отменным помощником в этом был сильный ветер. Смола пылала, и стволы деревьев трещали, словно какой великан рубил их огромным топором в щепки. Головёшки, объятые огнём, с шумом разлетались, а долетев до земли, поджигали ещё не тронутую огнём траву и хворост. А они сухие сразу воспламенялись, лизали кустарник и деревья и поддавали пищу для огнедышащей стихии. Жар и дым окутали лес на огромной территории, он лез зверям в ноздри и глаза, приводил в смятение.

Сегодня в полдень медведица потеряла своих детёнышей. Два медвежонка сгорели заживо, не успев спастись от уничтожающего пламени. Сплошной пепел с дымящейся гарью теперь занимали солидное

пространство леса, и оно добавляло неимоверную тягость отчаявшемуся зверю.

Горечь и боль матери невозможно было унять. Всё произошло так внезапно и быстро, что ничем она не могла помочь своим маленьким питомцам. Ничем! И это медведицу унетало. Подступиться к детёнышам и спасти их делом было невозможным – жаркое пламя в мгновение окружило медвежат, опалило шерсть, обожгло морды и лапы, отчего они упали, ничего не видя вокруг себя, в слепую корчились от боли, неистово кричали в агонии...

Позавчера медведица спускаясь с медвежатами в лощину, заметила издали на опушке леса людей. Они жгли костёр, слышались доселе незнакомые ей звуки музыки, громкие голоса. Кто это был? Охотники, рыбаки или туристы? Вряд ли. Такой контингент в лесу в основном степенный и осторожный с огнём. Это была беспечная ватага любителей отдохнуть вдали от городского шума. Легкомысленные люди, думающие только о себе. После праздного времяпровождения убрать мусор и потушить костёр для них дело излишнее. Кто ж приведёт таких к благому разуму? Уехали и началось...

Обрушилось на таёжных обитателей бедствие, нежданное, жуткое и грозное, пожирающее всё на своём пути. Да, тайга необъятная, есть куда бежать. Но гибнет лесная живность, вселяя ужас в успевших спастись зверей, сгорают деревья, а раны нанесённые пожарами заживают не скоро. Годами. И удручающий ландшафт подолгу не радует человеческий глаз, приводя к невольному унынию.

Медведица брела тяжкой поступью. Даже голод не мог принудить её к пище. Грибы, ягоды в избытке. Но притронуться к ним желания не было. В сознании погибшие малыши, их нестерпимый для ушей и души визг от страданий, а пред настигшим горем медведицы стоит в глазах их резвая игра, беззаботное урчание и милые мордашки...